

3.2. Верное толкование цивилизированного общества

Обобщение наших попыток осознания шумерского общества и вместе с тем более подробное изучение ряда его особенностей позволит обогатить наше сознание и понимание. Прежде всего, рассуждая о цивилизации, необходимо сорвать маски, с великим спокойствием прикрывающие мышление и структуру, чтобы увидеть скрытые за ними лица, истинные интересы, а также действительное состояние общества.

Наше историческое общество, говоря о глубокой древности цивилизации, само пытается предстать молодым, говоря о новой истории, новейшей истории. В этом есть своего рода странность. Молодость отражает период рождения того или иного явления или определенный период, прошедший после рождения. Если шумерское общество, как мы уже доказывали, олицетворяет период зарождения нашей цивилизации, то и молодость цивилизации должна определяться в соответствии с этим. Таким образом, становится ясно, что применяемые эпитеты наподобие «новый», «молодой», это всего лишь обман, и наше цивилизованное общество является, по сути, старым. Попытки повернуть время назад и выставить зрелого молодым есть ничто иное как продолжение маскарада цивилизованного общества.

Вот основной вопрос, на который следует искать ответ: почему цивилизованное общество, которое можно было бы назвать еще урбанистическим, так остро нуждается в маскарадах?

Потрясающее умение шумерских жрецов маскировать все по-прежнему используется. Отчего вера в богов, имевшая изначально очень благородное и осознанное содержание, сегодня превратилась в синоним упадка и бессмысленности?

До сих пор было высказано множество мнений, как «за», так и «против» цивилизованного общества. Однако труднее и плодотворней всего признать необходимость радикальной критики цивилизации и практического решения ее проблем. Это свидетельствует о безуспешности существующих рассуждений и толкований. То, что мечта человечества о свободе оказалась под жестким прессом, в принципе, является общим мнением. Часты мнения, что человек доведен до той ситуации, когда такая жизнь продолжаться не может. Гегель осуждал цивилизацию как церемонию «кровавых скотобоев». Цивилизация и года не может прожить без войны. Жизнь под гнетом воспринимается чуть ли не как закон природы. Эксплуатация доведена до уровня жизненного правила. Честность, чистота

помыслов, умение оставаться нравственным воспринимается как своего рода наивность.

Я хочу достичь следующего: раскрыть суть цивилизованного общества таким образом, который позволял бы применить критику, целью которой является преодоление кризиса этой цивилизации. То, что обычная критика капиталистического модернизма не позволит решить проблемы цивилизованного общества, стало ясно в результате усилий многих мыслителей, в первую очередь марксистской школы. Основным фактором здесь является отсутствие анализа цивилизованного общества, с которым капиталистический модернизм связан единой цепью. Европейское мировоззрение нейтрализовало даже самых жестких оппонентов. Как видно из взаимоотношений неолитической культуры и европейской цивилизации, сегодня мы остро нуждаемся в понятном толковании исторических и социальных аспектов взаимоотношений европейской цивилизации с предшествующими цивилизациями. Пусть это выглядит как любительская попытка, но мое положение осужденного, находящегося под самым жестким давлением этой цивилизации, обязывает меня высказать свое суждение об этой проблеме.

А

Толкование цивилизации — это преимущественно проблема общей социологии. Если основным условием науки является не прозябание в болоте позитивизма, а познание смысла, превосходящего банальное разделение на субъекты и объекты, то наибольшая потребность в таком подходе существует в сфере общей социологии. Важнейшая обязанность общей социологии (подобно тому, как врач ставит диагноз и проводит лечение) заключается в умении поставить диагноз обществу и вылечить его. Знание может быть мотивировано лишь стремлением осознать жизнь, с которой мы так тесно связаны. Осмысление жизни позволит нам понять проблему структурных образований и исправить нездоровые структуры, если таковые есть.

Цивилизованное общество — это место, куда стекаются образования, семантический анализ которых представляется довольно трудным занятием. Существование этого конгломерата непосредственно связано с искажением семантики и утере ее собственной сущности. Как же это странно, когда вооруженные до зубов люди, обращаясь к обреченной жертве, заставляют ее признать ложь, в противном случае любыми методами обещают ее уничтожить, и разве это не почерк чудовища Левиафана?! Это существо, то есть цивилизацию, можно сравнить с любым другим чудовищем. Но это очень примитивный подход. Если нас можно назвать учеными, то такое стремление не уведет нас дальше детских мечтаний. Даже точного диагноза, поставленного чудовищу, будет недостаточно. Надо срочно приступить к лечению. Все предыдущие попытки лечения привели к: обильному кровопролитию, страшному по своим размахам геноциду, ужасающему голоду, безработице, всевозможным болезням, разрушению экосистемы (необходимой для жизни окружаю - щей среды), — вот неполный перечень пережитой трагедии. Если наша общая социология и социология свободы желают освободиться от свалки, в которой живут тысячи и тысячи людей, то они должны осознать и доказать силу социального диагноза и лечения. В противном случае, как говорил Адорно, после «лагерей смерти» даже небожителям — равно как ученым мужам — не останется что сказать.

Цивилизация — это не только церемония «кровавых скотобоев» (Гегель), это нечто более ужасное: это механизм постоянного уничтожения свободного развития человека, единственной причины его существования. После этого остаются жалкие выжимки из того, что называлось жизнью человека. Цивилизация — это то, что остается от выхолащивания смысла свободной жизни путем постановки примитивного диагноза!

Наблюдая даже за самым примитивным живым организмом, мы видим, какое значение он придает своей жизни. Смысл, что он видит в собственном существовании, помогает живым организмам размножаться и развиваться до миллионов видов, пускать корни в скалах, при необходимости продолжать свое существование даже в полярных льдах, если надо, то летать, развивать безгранично технику, сравниться с которыми не могут даже самые серьезные человеческие изобретения. Что касается цивилизованного общества, то разве оно может сделать что-либо больше, чем с помощью изначально образованной лжи и обманом силы довести жизнь до полного обесмысливания, а в конечном итоге — довести человека до самоубийства?!

На стадии сосредоточения центра современной цивилизации в Европе социология стала словом, сказанным человеку для повторной демонстрации собственной силы. Как говорится в христианстве - стала «последним словом Бога». Из уважения к смыслу жизни даже самого простейшего живого организма необходимо прекратить такие речи. Даже развитая мораль ни - чем не может объяснить столь вопиющие случаи безнравственности. Напомню еще раз: даже богам не осталось что сказать.

Разве то, что называется историей, не является повестью о создании и упадке государств и опосредованных вспомогательных институтов? Разве первоочередной целью не было возвышение и падение династий, иными словами, не было ли стремление надеть на себя корону власти путем овладения стадами скота с помощью интриг и насилия? Разве не заключалась главная цель в том, чтобы установить свое право собственности на шерсть, молоко, а при необходимости — на мясо и шкуры?

Какой из героических эпосов полностью чист от насилия и стремления к эксплуатации? Разве те, кто объявляет себя освободителем своего рода, племени, веры, не мечтают о будущей короне?

Какого еще названия, кроме «кровавой скотобойни», заслуживает цивилизованное общество, во всех сферах которого и дня не проходит без войн и кровопролития?

Какие достижения науки, искусства и техники не были получены или отобраны в результате введения в заблуждение их истинных авторов или изобретателей?

Действительность, зачастую называемая системностью, стабильностью, миром, в реальности является «молчанием ягнят»; разве не дешевыми спектаклями убеждают или заставляют слуг (рабов, крепостных, рабочих, трудящихся, все угнетенные слои) гнуть спину на хозяев, и какое иное осмысленное название можно этому присвоить? Все, что связано с этой цивилизацией, сплошь состоит из вопросов, бесконечно растущих и углубляющихся. Поистине ужасно то, что это называют славной историей, священ - ной

верой, легендой о красоте и любви, чудесными изобретениями, мечтой о рае, которого когда-то достигнет человек, дружбой, джентльменством, необходимостью объединения — и все эти высокопарные слова прикрываются объяснениями, что цивилизация есть неминуемая судьба человечества.

Несомненно, цель, которую я преследую, поднимая эти вопросы, в том, чтобы отдать дань уважения памяти, истинному героизму и последним невысказанным словам, святости всех тех друзей и товарищей, кто восстал во имя смысла жизни, заключающейся в свободе. Если надо будет подставить плечо для того, чтобы защитить хотя бы один розовый куст, я приму этот вызов, считая, что, защищая красоту, я защищаю нечто важное для человечества.

Б

Перейдем от нравственных суждений к суждениям теоретическим. Крайне важно, особенно учитывая течение истории, всесторонне осознать смысл понятия «классовость», которое так часто употребляют наши оппоненты в период модернизма (капитализма). В противном случае это понятие превратится в самую липкую «жвачку демагогии» и одно из орудий раздробления смысла.

Для того, чтобы по-настоящему осознать суть классовости, надо учесть такое важнейшее обстоятельство: фундаментом классовости является силовые структуры. Сами по себе они не имеют никакого смысла. Может быть, такое сравнение носит излишне социобиологический характер, но оно уместно. В любом случае, не вызывает сомнений факт, что сила олицетворяется властью в обществе, своего рода организованной мощью Левиафана в цивилизованном обществе. Если рассматривать государство как совокупность наиболее развитых отношений во власти, то разве не являются неделимой частью этой сети власти даже те, кто стонет под гнетом и является объектом эксплуатации? Разве цивилизация не является такой организующей силой, которая распространяет свое влияние не только в сфере государственной организации, но и в широких сферах от религии до экономики? И не является ли основной функцией этой силы превращение организованных рабов, крепостных, рабочих в социальные слои, как по горизонтали власти, так и по вертикали?

Хочу особо подчеркнуть следующее: в процессе организации силы нет никакого места таким понятиям, как субъективное значение «рук» и «ног» этой силы. Если власть может рассматриваться в качестве успешной организации, то над трудящимися, которых эта сила считает грубым элементом, уже установлена абсолютная власть. Но ведь это означает потерю трудящимися своей субъективной ценности в условиях власти, если эта ценность ранее присутствовала. Именно по этой причине все восстания рабов и трудящихся от Спартака до Парижской Коммуны, не имели шансов на успех. Разве только если они согласились бы свежей кровью влиться в структуру власти! Но ведь это означало бы ничто иное, как повторное вливание в русло цивилизованного общества. Стопятидесятилетний опыт научного социализма выступает поразительным примером некритического восприятия этого.

Хорошо, а разве между этими результатами нет связи, если рассматривать их в комплексе взаимоотношений с властями? Не - необходимо осознать одно важное обстоятельство: уровень зависимости и качественное положение классов во взаимоотношении с официальными властями. Вопрос в том, имеет ли класс сам по себе какую-либо практическую и смысловую ценность. Пусть верхнюю ступень классовой пирамиды занимают господа, сеньоры, хозяева, буржуа, а нижнюю — рабы, крепостные, рабочие; в отношениях с властью они демонстрируют аналогичные идейно-политические позиции. Какое-либо возражение в этой цепочке взаимоотношений не представляет особой ценности. Эти отношения составляют та - кую сеть, которая имеет тысячу узлов. Если возразить против одного узла или даже разорвать его, актуальными останутся остальные 999 узлов. Не только починят то, что разорвано, но и накрепко привяжут того, кто разорвал. Если надо, сделают это, оторвав ему голову.

Поговорим о трудящихся массах родоплеменной структуры, которые работали в системе взаимоотношений государства и власти, прототип которого создали шумерские жрецы и вожди династий. Рабочий, которого пытается поработить жрец, находится под удивительным влиянием недавно созданных богов, которые расположены на два яруса выше него самого (это понятия о святости, воздействие которых на личность настолько сильно, что с ними не сравнится ни одна материальная сила). Если бы это было не так, рабочего не взяли бы в зиккурат. Второе обстоятельство заключается в том, что его кормят уже лучше, чем раньше. Это улучшение в жизни исключает наличие у него какой-либо альтернативы. Третье: с точки зрения половых страстей его сегодняшний день нельзя никак сравнить со вчерашним, и он постоянно тешится мыслями о наслаждениях с прекрасными гуриями.

В построении системы послушания и преданности установленному порядку предложения интимных услуг женщин, внесли куда более серьезную лепту, нежели деятельность современной прессы и армии!

Этот новый слуга в рамках системы становится не борцом за свободу, а предателем свободы или субъектом с выхоленным пониманием свободы. Это очень интересный случай. Глава династии, ориентируясь на взаимоотношения государство — власть, также оказывается в плену этой практики. Главным условием становится наличие сильной организации, основанной на здоровых интересах в рамках этого союза. Семейная династия, основанная на широких родоплеменных отношениях, превращается в уважаемое и вместе с тем грозное явление. Традиции рода постоянно возвышают роль иерархии. Мелкие неудобства, доставленные друг другу, обсуждаются или мирно, на семейном совете, или становятся причиной для конфликтов. Говорить о классовом характере династии, стремящейся к образованию государственности в клубке таких взаимоотношений, как о самой слабой стороне династии, означает проявить подход, крайне далекий от стратегического. Хочу подчеркнуть следующее: классовость — одна из фундаментальных характеристик цивилизации. Но если можно сделать теоретический вывод о стратегическом смысле, лежащем в основе классовых переворотов, то на практике это нереально. Все цивилизации были свергнуты вместе со слугами власти и трудящимися. Цивилизаций, свергнутых руками слуг и трудящихся, или крайне мало, или, если даже таковые были, новая власть, установленная на месте старой, становилась такой же машиной жестокости и эксплуатации,

причем гораздо хуже прежней.

Рассмотрение истории как череды классовых противоречий кажется мне весьма редуционистским. Гнет и эксплуатация — это стиль существования, система, на которую опирается цивилизация и сама история цивилизации. Но идеология, политика, даже экономика этого процесса работают по-разному. Точнее, узкие классовые противоречия не определяют ход истории. Здесь не идет речь о ужасающей силе порабощения, унижающей силе системы, отрицании свободы. Я всего лишь хочу подчеркнуть то, что власть и система цивилизации строятся и распадаются по иному принципу; логика межклассовых отношений сводится к тому, что существующая цивилизация меняет свою форму, или, напротив, в случае обострения противоречий превращается в «свежую кровь» (опыт Советского Союза и Китая). Это предмет обсуждения. Возможно, у кого-то уже появились критические замечания по поводу того, что в своих суждениях я преуменьшил роль власти, не показал пути выхода и освобождения от власти. Я отвечу так: эту тему я более подробно намерен осветить в разделе, касающемся социологии свободы. Кратко скажу, что свобода также имеет свою социальную сферу, логику и стратегию так же, как идеология, политика и организация власти.

В

Хотя вопрос противоречий между различными цивилизациями и их союза является полемическим, его исторический смысл наполнен содержанием.

Цивилизованное общество — это образование, которое вырабатывает противоречия как внутреннего характера, так и между различными цивилизациями. Порожденные им смысл и цель, классовость, а также инструменты их достижения: гнет, эксплуатация, постоянное введение в заблуждение и маскировка, объясняют характер общества, главной особенностью которого является постоянное порождение конфликта. Власть и классовое расслоение сами по себе уже являются конфликтом. То, что он развивается внутри общества или распространяется за его пределами, не меняет его сути. Квалифицируя цивилизации, нельзя менять их суть, называя синонимами, это совершенно нереалистичский подход. То, что цивилизации бывают воинственными, мирными, монотеистическими, политеистическими, эффективными, неэффективными, культурными, невежественными, состоящими из одного народа или объединяющими многие народы, совершенно не определяет их сути. Направляющая сила цивилизации не слагает своих полномочий до полного уничтожения мира. Стремление быть мировой силой — болезнь, лежащая в основе цивилизации. Источником этого является власть. В момент, когда приостанавливается расширение цивилизации, начинается ее регресс. Итогом этого становится не нормализация состояния, а упадок, потому что нет нормальных состояний во всех системах цивилизации. Они испытывают потребность или в уничтожении всего живого, подобно раку, или в том, чтобы быть уничтоженными. Существует очень много людей, которые, будучи простыми вождями племен, начинают мнить себя чуть ли не богами, стоит только оседлать коня цивилизации.

В идее обожествления кроется сила, способная уничтожить человечество. Тот, кто много разрушает путем войны, считает себя созидателем. Если психологически не проконтролировать эгоизм, то возникнет болезнь самовозвеличивания. Цивилизация представляет то общество, где эта болезнь находит свое развитие. Говорят, что личность, которую власть заставила деградировать, не представляет никакой общественной ценности. Это оценка, связанная с сущностью власти. Поскольку цивилизации являются обществами власти, они постоянно вступают в противоречия с жизнью. Нет ни одной ценности, которой бы не пожертвовали ради власти, даже если это братские, дружеские или супружеские отношения. Исследуя движущие силы цивилизаций, можно увидеть, что нет таких преступлений, которые бы они не совершили, нет таких заговоров, которые бы они не организовали. Ложь, возведенную в ранг системы, они называют не иначе как политикой.

Г

Особого внимания заслуживает еще одна особенность, формирующаяся в недрах цивилизованных обществ. Ее можно назвать предрасположенностью общества к власти. Своего рода перерождение женщины на почве традиции ее превращения в существо женского пола. Власть, не подготовив общество как существо женского пола, не может быть уверенной в надежности этого общества. Превращение женщины в существо женского пола как самая старая форма порабощения возникло после того, как культ матери-женщины был сломлен, в результате длительной серьезной борьбы женщина-мать проиграла, а ее общество было превращено в общество с доминирующим половым фактором. Это положение утвердилось в обществе, может быть, еще даже до того, как цивилизация достигла своего развития. Борьба была настолько яростной и кровавой, что вместе с результатами она стерта из памяти женщины. Женщина теперь не помнит, что, где и как она потеряла. Она считает вполне естественным свой статус покоренного существа женского пола. Именно поэтому никакая иная форма рабства не является столь тщательно привитой и узаконенной.

У рабства было два пути разрушающего воздействия на общество. Первое, оно подготовило общество для порабощения, второе, это осуществление всех форм порабощения на почве обезличения женщины. Превращение женщины в обезличенное существо женского пола не имеет чисто полового характера, как это принято считать. Тут нет ассоциаций с биологическими особенностями. Это явление имеет социальный характер: рабское положение, подчинение, бесхарактерность, плаксивость, смирение с ложью, отсутствие амбиций, готовность отдать себя полностью и прочие особенности поведения, отвергающие моральные аспекты свободы, считаются уделом обезличенной женщины. Эти особенности свидетельствуют о том, что она выхолощена, превращена в ту материю, на базе которой рождается рабство. Это база, на которой сформировались самые древние формы рабства. Цивилизованное общество также связано со всеми социальными категориями этой базы. Превращение всего общества в обезличенное существо, готовое к порабощению, есть необходимое условие для функционирования системы. Власть тождественна мужскому началу. В таком случае превращение общества в обезличенную самку попросту неизбежно, потому что власть не признает таких принципов, как свобода и равенство. В противном

случае она бы перестала существовать. Сходство между властью и обществом, построенным на половой сегрегации, имеет глубинный характер.

В Древней Греции, одной из величайших эпох цивилизации, было принято отдавать юношей опытному мужчине в качестве мальчиков для половых сношений. Долгое время я не мог понять причину этого. Даже такой знаменитый философ, как Сократ, говорил: «Важно не то, чтобы часто использовать тело мальчика, а то, чтобы он получил от своего господина необходимое воспитание». Смысл тут не в частом использовании этих юношей в качестве мальчиков для половых утех, а в формировании у них особенностей, свойственных обезличенным женщинам. Если выразиться яснее, то древнегреческая цивилизация стремилась к обществу, превратившемуся в обезличенную женщину. Но такое общество не могло бы сформироваться при наличии благородной молодежи. Для формирования такого общества необходимо пропитаться полностью стилем поведения женщины, превращенной в обезличенное существо женского пола. Схожие тенденции встречаются во всех цивилизованных обществах. Мужская проституция есть явление, распространенное в таком обществе, и она приняла такие формы, что необходимость каждого господина владеть одним мальчиком стала традицией. Очень важно расценивать это явление не только как половое извращение, но как явление социальное, появлению которого способствовало классовое, авторитарное общество. Половая сегрегация и власть — своего рода социальные болезни, характерные для цивилизованного общества. Они еще похожи на раковую опухоль — не только не могут существовать друг без друга, но и способствуют взаимному размножению так же, как размножаются раковые клетки. Что касается связи между опухолью, поразившей особь, и раком, поразившим тело общества, то в разделе, посвященном капиталистическому модернизму, мы поговорим об этом более подробно.

Вот о чем я хотел сказать: в цивилизованном обществе на протяжении тысячелетий тщательно готовится почва для власти путем превращения общества в обезличенное существо женского пола. Традиция цивилизации считает женщину «полем мужчины». В обществе тоже существует похожая традиция. Мужчина должен предстать перед властью в образе женщины, готовой отдаться по первому зову. Того, кто восстает против этой традиции, пытаются привести в состояние готовности к «самоотдаче» путем применения силы, военными действиями.

Очень большой ошибкой является восприятие процесса формирования власти как акцию, совершенную одним конкретным человеком, даже классом или этносом. Может быть, правительства создаются конкретными людьми, но власть, политические системы создаются в цивилизованных обществах усилиями сотен диких императоров, клик, господствующих сил, которые прежде порождают господствующую культуру (поле, традицию). Общества, как жены, которые ждут своих мужей как судьбу, ждут своей участи быть использованными властями как поле деятельности. Они так уже приучены. В авторитарном обществе существует господствующая культура. В этом смысле очень ценно высказывание Бакунина: «Даже тот, кто бьет себя в грудь, называясь демократом, в двадцать четыре часа портится, оказавшись у власти». Я не говорил, но очень долгое время хотел сказать: портиться заставляет сама почва, на которой зиждется власть. Трон, воздвигаемый на протяжении тысячелетий из кровавых рек и эксплуатации (бесконечных войн и угнетения), безусловно, в течение двадцати четырех часов испортит любого, кто

случайно сядет на него. Этого может избежать, только человек способный уберечь себя с фанатической решимостью! Власть, построенная в обстановке безграничной хитрости, войн и гнета, как традиция, культура и система очень эффективна и в абсолютном смысле разрушительна. Самым поразительным примером этого является практика «реального социализма».

Совершенно очевидно, что создатели этой системы руководствовались благими намерениями и целями. Но как же тогда получилось, что они сдались капитализму, против которого воевали? На мой взгляд, основной причиной этой исторической трагедии стала форма прихода к власти и форма использования власти. Создатели социализма превратились в авторитарную власть на культурной базе цивилизованного общества. То есть они не только не отвергли, а обеими руками принялись строить власть на кровавом наследии (обществе, привязанном к государственной власти). Они не захотели понять, что власть подобна продажной женщине, способной свести с ума любого, кто возжелает ее. Они не преминули заклеить оппортунизмом некоторые случаи критики в их адрес (так, Кропоткин критиковал Ленина за то, что тот от Советов резко перешел к государственной власти). Валлерстайн, говоря о том, что Советы распались под общим воздействием капиталистической мир-системы, не будучи в состоянии противостоять этому, в принципе, подошел близко к истине. Но он весьма далек от решения сути самой проблемы. Мишель Фуко оказался гораздо ближе к истине, говоря о том, что система использует связку знание — власть.

Аналогичные суждения действительны для бесчисленных национально-освободительных, коммунистических и социал-демократических движений, начиная с Парижской Коммуны. Каждое поле дает свойственный только ему урожай. На поле, где тысячелетиями произрастал урожай, характерный для связки знание — власть, не может произрасти урожай социализма и вообще свободы. Для этого борцам за свободу и социализм (естественно, теоретикам) в первую очередь нужно подготовить собственное поле, постоянно проводить диагностику и лечение болезней, которыми болеет поле власти, а самое главное — держаться подальше от ростков власти (в любой форме) и выращивать собственные ростки (богатые демократические формирования). В противном случае получится так, как в истории всех цивилизаций: не избежать повторения ошибок, совершенных тысячами людей, которые думали, что посеяли ростки свободы; а на деле оказывалось, что эти ростки ничем не отличаются от предыдущих. Напомнив, что эта тема тесно связана с общей социологией, я коснулся ее во введении, а в части, касающейся общей социологии, последует более подробный анализ.

Д

Очень важно осветить роль таких структурных факторов, характерных для цивилизованного общества, как религия, наука, философия, искусство и мораль.

Я утверждаю, что между цивилизацией и развитием религии, науки, философии, искусства и морали имеется тесная связь. С этими сферами связано положение, которое легко раскрыть: я уверен, что мы можем конкретно наблюдать то, как и с какой целью были

созданы эти сферы человеческой жизнедеятельности, изначальный потрясающий исход которых состоялся в недрах шумерского государства жрецов. Мы уже видели, что в зачаточном виде эти сферы появились в недрах неолитической культуры в бассейне рек Тигр и Евфрат.

В основе понятия «святость» лежит чрезвычайная ценность, с которой воспринималось человеком обилие продуктов, используемых им в пищу. Увидев это обилие, человек воспринял это как милость богов, которых он представлял себе как лидеров общества, и восхвалял их. И сегодня, пытаясь осознать жизнь во всем ее волшебстве и очаровании, мы чаще всего прибегаем к таким понятиям, как производительность жизни. Религиозность не следует путать с верой в Господа. Это понятие, сформированное в семитской культурной среде, прошло отличный от других, особый путь развития. Божество в принципе является понятием, открытым для обсуждения, поскольку для всего человеческого общества оно олицетворяло, в первую очередь, принцип плодородия и производительности. И по сей день понятие о божественности сохраняет эту особенность. Утверждать, что человек с его ограниченными способностями к познанию способен познать всю вселенную, значит незаслуженно возвеличивать его. В этом смысле хорошим метафизическим подходом становится причисление всего того, что непосильно для человека, к сфере умения богов. Я уверен, в этом не было никакой опасности. В противном случае человек стал бы воспринимать самого себя чуть ли не единственным божеством, и я уверен, что никакого вселенского смысла в такого рода самовозвеличении нет.

Шумерские жрецы считали свое искусство сотворения богов, помимо метафизической стороны, еще и способом более легкого общения с обществом, которое они создали, и серьезным моральным фактором. Вероятно, впервые обогатив божественность такими понятиями, как наказание, ниспосылаемые ими за людские грехи, они использовали это для развития в их обществе чувства послушания. Божество постепенно обретало признаки огосударствления. В этом заключалось реформаторство. Место восседания божества, очертания его фигуры во многом рельефно прослеживаются в процессе последовательного усиления роли и статуса правителей государства (следовательно, общества). Царь, идя на войну во имя своего бога, очень искусно маскирует собственные интересы. Во всех изобразительных и письменных источниках царь считается любимым сыном божества, а его враги воспринимаются как дети сатаны, заслуживающие проклятия. Постепенно формируется своеобразная группа божеств. Это очень ясное отражение нового метода управления.

Нигде так явно не была выражена тождественность бога и правителя, как в шумерском обществе. Уже не так важен вопрос, кто чьей маской является. По мере огосударствления божества правящий класс последовательно наделяет себя элементами и признаками святости, высочайшей созидательности, функциями наблюдения и контроля. Если правящий класс наделяется еще большими особенностями, то от него не отстают и его божество. Чем больше благодати в управлении обществом, тем сильнее считается божественная связь правителя. Зависимой и управляемой прослойке общества уже очень тяжело было отделять друг от друга божество и правителя. С этим связано укоренение метафизического восприятия, и процесс сотворения божеств уже начинает становиться дурной метафизикой. После этой стадии все цивилизованные общества будут теперь эксплуатироваться по

методу использования исследованных религиозных таинств и божеств и их умения узаконить управление. Если в глубине мыслей и чувств угнетенных трудящихся остались воспоминания о священном, порождающем и созидающем божестве, то божество и вера, уже поставленные на путь огосударствления, откровенно играют свои роли в обществе посредством любимым ими правителей общества.

Между количеством богов и общественной формацией есть связь, заслуживающая серьезного внимания. Политеизм является показателем понимания божественности в эпоху родоплеменного равенства. Уменьшение числа богов и процесс их возвеличения тесно связаны с «управленческим протоколом». Последовательное восхождение к статусу верховного божества аналогично процессу карьерного роста в правящей среде. Есть серьезная зависимость и требующая исследования интересная связь между формированием образа невидимого, не обладающего фигуративностью единого бога и постепенным выходом государства из-под власти людей, его обогащением многими структурами. В этом смысле теологические исследования могут привести к очень ценным открытиям.

Постепенное уменьшение роли и места бога в среде правящих сил, с одной стороны, свидетельствует о падении их масок, с другой же — свидетельствует о том, какой смысл начало обретать государство, чьи интересы оно представляет. Это становится доказательством утери религией своей некогда сильной узаконивающей роли. В этих процессах цивилизованное общество использует узаконивающий фактор религии не меньше, чем насилие и принуждение. Процесс огосударствления религии, ее перевод в собственность правящих классов происходит наряду с развитием цивилизованного общества, в частности, с развитием управленческого искусства. Такое положение вещей объясняет, почему в религии наметились тенденции к сектантству и внутренние противоречия. Противоборствующие цивилизации — это аналогия с противоборствующими религиями и сектами для того, чтобы вовлечь в процесс противостояния все общество, в первую очередь, столкновения инициируются во имя религии. Долгие и короткие войны между различными цивилизациями всегда проходили под маской столкновений между религиями. Не секрет, что войны, ведшиеся во имя ислама, христианства и иудаизма, на самом деле имели целью установление господства в условиях цивилизации Ближнего Востока, и эти очевидные факты невозможно скрыть никаким образом. Открытость в действиях достигла своего апогея вместе с признанием в качестве официальной государственной идеологии. Как это бывает после каждого пика, их значение стало угасать. Оппозиционное сектантство становится знаменем повстанческой позиции маргинальных сообществ, постоянно остававшихся за бортом цивилизованного общества. Отчасти этот процесс отражал классовые противоречия. Вплоть до сегодняшнего дня, формируясь в недрах капиталистической национально-государственной структуры, сектантство превращается в разновидность национализма. В этот раз в ходе кровавых войн на религию вновь были надеты прежние маски.

Роль философии в истории цивилизации по сравнению с религией несколько ограничена, но не менее значима. Стремление к познанию смысла, недостаточность религиозных догм способствовали возникновению интереса к философии. Мудрость, имеющая столь же древнюю историю, что и религия, может считаться началом философии. Мудрец, воплощающий образ мыслящего человека, является источником смысла, отличного от

богословия. К мнению мудрецов прислушиваются как к представителям бога на земле. Мудрецы не были в мире с государством и властью, скорее они были тесно связаны с социальными слоями, находящимися вне официального общества. Известна их роль в развитии морали и науки. Хотя это и не нашло своего отражения в письменных источниках, но женщина в статусе матери-богини неолитического общества близка, по сути, к мудрецам, которых можно считать той частью иерархии, которую не затронула деградация. В шумерском обществе можно встретить отчетливые следы этого явления. Возникновение института пророков во многом обусловлено наследием мудрецов. Вообще-то, философская традиция Ближнего Востока требует серьезного исследования. Не вызывает никаких сомнений, что философия здесь существовала задолго до возникновения древнегреческой культуры. Ведь удача древнегреческих философов, собственно, заключалась в том, что они жили в ту эпоху, когда их территория стала местом распространения высшей ступени цивилизации. Подобно тому, как шумерские жрецы сотворили богов и религию одновременно с созданием государства и общества, древнегреческие философы на более высокой ступени цивилизации сыграли определяющую роль в создании и развитии нового цивилизованного общества, где религия и философия были в тесной взаимосвязи. Они делали одно и то же дело — использовали искусство понятия. Если первые сыграли свою историческую роль, создав религию, то вторые сыграли аналогичную роль, используя философские понятия. Начался этап, когда божества в масках стали уступать свои позиции богам без масок и голым королям. Здесь есть связь между философией и тем прогрессом, которого достигло мышление человека.

Философское мышление, игравшее несколько ограниченную роль в Древней Греции и Древнем Риме, пережило поистине революционный переворот в условиях более позднего европейского капиталистического общества. В философии здесь происходили такие же споры, что и между религиями. И в этом немалая доля принадлежит такому фактору, как выдвижение на главенствующие позиции национально-классовых интересов в рамках потребностей системы. Религиозные войны не могли разрешить всех противоречий, и поэтому на долю философии выпала гораздо больше дел. Война 1618-1649 годов стала последней религиозной войной. Вместе с тем тот же XVII век стал веком философской революции. Философия, игравшая в древнегреческом и древнеримском обществах ответственную роль, в условиях новых цивилизованных обществ стала главенствующей формой идеологии. Стали зарождаться крупные философские школы. С одной стороны, объявлялось о «смерти бога», а с другой стороны, отсекались головы завуалированных королей. Начиналась эпоха капиталистических государств, которые были не более чем голые короли, олицетворенные каждый в своем обожествленном национальном государстве.

Неолитическая революция способствовала революционным шагам и в искусстве. После примитивных наскальных рисунков в пещерах началась эпоха фигур матери-богини. Именно эти фигуры стали первыми объектами искусства. Изображения матери-богини можно считать прототипом скульптуры. С наступлением эпохи цивилизованных обществ уже изображаются вместе фигуры божеств и правителей. Возрастающая роль классового расслоения общества и сила власти также способствовали огосударствлению искусства, как и в случае с религией. В частности, в искусстве Египта, Китая и Индии божество, монарх и жрец соревнуются в демонстрации силы. Величественные памятники призваны

продемонстрировать эту силу. То же направление было характерно и для архитектуры. Религиозные объекты и дома правителей становятся сферой развития и применения архитектуры. Сооружаются величественные религиозные храмы и дворцы. Строятся большие склепы. И все это становится устрашающим показателем того, каких масштабов достигла эксплуатация человека вместе с гнетом в условиях цивилизованного общества. Для возведения одной лишь пирамиды или религиозного храма жертвуют жизнями сотен тысяч людей. Еще одним значимым объектом, нашедшим отражение в искусстве, благодаря активно развивающейся торговле, становятся коммерсанты. В произведениях искусства можно увидеть отражение таких торговцев, которые по значимости не уступали даже королям.

На древнегреческой и древнеримской этапах цивилизации переживается переворот в городской архитектуре. Города, образованные комплексом из старых внутренних и внешних крепостей, и сегодня вызывают восхищение как объекты строительного искусства. Платой за труд, создавший их, стало масштабное порабощение. Большая часть рабского труда использовалась в городской архитектуре. Показателем порабощения общества становятся крупные склепы, храмы, крепости и города. Древняя Греция и Древний Рим в области скульптуры стали новой ступенью цивилизации. Величие и красота отражались в совершенной скульптуре.

Искусство и культура Древней Греции и Древнего Рима стали силой, вдохновившей подъем европейской цивилизации. Феодалная Европа, находившаяся под влиянием религиозных догм, смогла дотянуться до окошка, ведущего к новому мышлению, только благодаря культуре Ренессанса, частично допуская свободное мышление как таковое. Количественное влияние искусства наступит вместе с выходом на историческую арену нового класса цивилизации — буржуазии. Но прежнего величия она уже не достигнет. Искусство, в комплексе всех своих былых достижений в области градостроительства, музыки, изобразительного искусства и скульптуры, оказавшись на службе у капитализма, начнет деградировать, утратит свой священный характер и, обезличиваясь под названием индустрии искусства, превратится в потребительский продукт и в определенном смысле исчерпает себя.

Основной источник литературы и музыки также можно найти в недрах неолитической культуры. Этот период истории выражается звуками аутентичной музыки. И сегодня звучат протяжные, волнующие и пленительные голоса пастушьей дудки, барабана, зурны. Эти инструменты, похоже, и стали родоначальниками музыки. В шумерском обществе произойдет развитие формы и содержания литературы и музыки. В царских дворцах незаменимы были музыканты и исполнители.

Устные эпосы вдохновенно озвучивают святость первых родоплеменных сообществ и тоску по тем временам. Они становятся основными источниками дальнейших письменных эпосов. Первым в истории письменным текстом стал эпос о Гильгамеше. Вероятно, этот эпос является основным источником всей литературы и священных текстов. Многие шумерские литературные и религиозные тексты стали не только источниками вдохновения древнегреческой литературы и богословских трактатов. Все древнегреческие легенды и мифы представляют собой версии тех сказаний, которые перешли через Анатолию. Но

литературно-музыкальная культура, некогда переживавшая в этом регионе подъем, в европейском буржуазном обществе переживет свою последнюю ревизию в рамках романтической культуры, а затем произойдет популяризация и превращение в индустрию культуры, что и станет последним шагом к ее превращению в продукт потребления и полному исчерпанию.

Разделение на «хорошее» и «плохое» в сфере морали связано с фундаментальным социальным разделением на «хорошее» и «плохое» в цивилизованном обществе. В этом смысле такое разделение увеличивает дистанцию между группами, преследующими разные интересы. В целом же оно является выражением деления обществ на хорошие и плохие. Суть этой дифференциации является социальной. Если привязанность к обществу является свидетельством добропорядочной нравственности, то отдаленность от общества, неприятие его ценностей говорит о плохом. Общественная формация от начала и до конца имеет нравственный характер. Иными словами, это означает добро - вольную привязанность к правилам организации общества на почве трепетного отношения к ним. «Первой конституцией» общества является свод его моральных правил. Общество основано на морали. Общество, растерявшее свои моральные устои, обречено на распад. Общественные правила предусматривают отношение к общественной идентичности, его божественной сути, языку, другим членам общества с таким трепетом, будто бы являются единым целым, и при необходимости требуют от человека самопожертвования во имя общества. В принципе, оказаться выдворенным за рамки общества для человека равносильно смерти.

Право — одно из великих изобретений цивилизованного общества. Социальное расслоение безусловно начинается вместе с классовым расслоением и возникновением государственности. В основе этого процесса лежит моральный фактор. Подобно тому, как огосударствление религиозных святостей способствовало возникновению государственной религии, так и постановка морали на государственные рельсы способствовала возникновению права. Возникновение права становится следствием того, как свод правил отражает основы формирования нового государственного общества и интересы, принципы собственности и безопасность правящего класса, то есть право становится «конституцией» нового общества.

Первым примером правового урегулирования общественных отношений может стать Шумер, где письменные тексты были созданы задолго до законов Хаммурапи. Таким образом, можно утверждать, что своим рождением право обязано не Риму, не Афинам, а шумерскому городу-государству. В античную эпоху подчеркивается связь права с республикой и демократией. Речь идет о пери - оде более официальной и письменной структуризации права. Что касается республики и демократии, то этот процесс стал отражением поисков аристократией (господствующего класса, избранных людей рабовладельческого общества) форм коллективного управления с целью установления барьера перед царствами и деспотическими диктатурами (управляемыми волюнтаристскими методами). Несмотря на то что следы встречаются в шумерском обществе, первое письменное и художественное выражение оно нашло на той стадии цивилизации, которая существовала в Греции и Риме. Это связано с вопросом преодоления трудностей в управлении, путаницы и хаоса. Вопросы конституции, республики и демократии являются самыми дискуссионными в европейской буржуазной цивилизации. Последнее изобретение касается «прав человека». Оно несет на

себе ярлыки представительства и индивидуальности, которые расширяются и развиваются в обществе.

Развитие науки следует воспринимать как часть этих основных категорий. Наука — это одна из форм знаний. Единственное ее преимущество в том, что она является той частью знаний, которая может быть подтверждена всеми. Наука содержит не все знания, а ту часть, которая обладает особым смыслом (подтверждаемую опытным путем). В широком смысле слова нет знаний, которые не подтверждаются опытом. В цивилизованном обществе существует разделение знаний, которые подтверждаются опытным путем или не подтверждаются, имеют позитивный или метафизический, теоретический и практический характер. Эта ситуация связана с цепью взаимоотношений между знаниями и властью. История знает три великих революции в сфере научных знаний: первая — неолитическая (7-5 тыс. до н.э. халафский период), в которую внесен дополнительный шумерский вклад; вторая — западно-анатолийская и античная (VII—IV века до н.э.) и третий революционный период — западноевропейский (XVII век н.э. и далее). Ясно, что научные знания связаны с периодизацией цивилизации. Для каждой исторической ступени характерна своя научная революция. Но науку еще — дует рассматривать в тесной связи с религией, философией, литературой, искусством и правом. Тяжело установить различия между наукой и философией. Можно их рассматривать как теоретическую и практическую стороны одного и того же явления.

Связь, которую можно установить между цивилизацией в целом и этими категориями, может быть выражена сквозь призму оппозиции смысл / власть. Эти крупные смысловые категории и их практическое выражение, которые зародились из практики человеческого общества и мышления, способствовавшего возникновению этой практики, подверглись аннексии и искажению со стороны той части цивилизованного общества, которая уже пришла к государственности. Одним из первых, к чему они приступили, было стремление организовать науку и философию как социальную парадигму и источник практической силы. Каждая ступень цивилизации возникает на базе новой фундаментальной парадигмы (мировоззрение, система взглядов). Если, на взгляд правящих классов, эти мероприятия носят вполне позитивный характер (видимые факты), то с точки зрения управляемых классов, это поразительным образом очерняет их жизнь, отделяет их от мира железным занавесом, сковывает цепью. Открытое насилие всегда служило основанием для нового типа правления, чья законная сила базировалась на новых парадигмах. Новые классы представляли все свои преимущества и интересы так, будто это преимущества и интересы, чуть ли не судьба всего общества, — и это было их основным занятием. По мере достигнутых успехов они могли продлевать жизнь обществ, которые назывались цивилизованными. Любая цивилизация, какой бы грандиозной она ни была, потеряв свою легитимность, не может избежать упадка. Например, истинными причинами упадка цивилизации Рима были следующие: внутри империи — христианство, извне — потеря уважения и привлекательности под воздействием варварских племен. Когда общество объединилось с новыми религиозными сообществами и инородными племенами, некогда великолепный Рим утратил легитимность и распался.

Социальные структуры, которые в определенном смысле можно назвать метафизическими категориями, не могут быть исследованы самостоятельно, ибо это может исказить истину.

Метафизические истины, подвергнутые материалистами чрезвычайно грубой и жесткой критике, несомненно, сами по себе не могут быть разделены на «хорошие» и «плохие». Поскольку мышление человека и общество нельзя представить без метафизики, гораздо более осмысленными были бы методические оценки метафизических категорий в тесной связи друг с другом и обществом.

Крупные цивилизации в общем являются религиозными. Если религия той или иной эпохи теряет свою силу (это может происходить благодаря философии, науке или новой религии), это неминуемо означает распад соответствующей цивилизации. Все это свидетельствует о жизненно важном значении крупных смысловых категорий (религия, философия, искусство, право, наука, мораль) для цивилизованного (классового, городского, государственного) общества. Если общая социология должна освещать эти категории в ракурсе цивилизованного общества, то социология свободы критически комментирует то, как эти категории должны слиться со свободной жизнью в демократическом обществе. Эта тема будет детально разработана в соответствующей части.

Е

Экономические учения в цивилизованном обществе — это один из самых запутанных вопросов, представляющих собой благоприятную почву для искажений. То, что экономика становится предметом теоретических и практических исследований, относится к достижениям капиталистической цивилизации. Речь идет об исследовании «материала» общественной жизни. Систему капиталистической цивилизации, которая позиционирует себя в истории как материальная цивилизация (правильное и уместное толкование Фернанда Броделя), можно было бы назвать экономической системой. Нет никакой опасности в том, чтобы назвать все предыдущие системы цивилизации «метафизическими системами», и в этом смысле станет ясно, почему капитализм можно назвать «системой материалистической».

Если неолитическое общество (включая первые человеческие сообщества), а также все цивилизованные общества (докапиталистической эпохи), уделяя большое внимание категориям святости, смысла, чудесного, в целом метафизике, не могли расценивать жизнь никак иначе, то капиталистическая цивилизация позиционирует себя чуть ли не как эпоху богов без масок и голых королей, и это обстоятельство заслуживает серьезного внимания и требует серьезных рассуждений. Капиталистическое общество превосходно умеет ввести в заблуждение, обмануть и ассимилировать все инородное.

Мое личное мнение, что основная суть капитализма заключается в том, что масштабы аннексии и присвоения результатов чужого труда, существующие в той деятельности, которую капитализм развернул под названием «экономика», скорее пре - вращаются в форму общественной жизнедеятельности. «Экономика» по-гречески означает «кодекс семьи» и подразумевает правила материальной жизни семьи, ее окружение, материалы и прочее. Если несколько расширить смысл этого слова применительно к цивилизованному обществу, то можно назвать экономику «правилами жизни» маленьких сообществ. Это та общественная категория, которая менее всего попала под влияние государственности и

собственности. Общество — это основная ткань коллективизма. Приватизация общества, становление его на рельсы государственности немислимо. В этом смысле приватизация экономики и становление ее на рельсы государственности означают разрушение этой самой основной ткани, уничтожение наиболее важных жизненных правил общества. Поэтому никакое общество так, как капитализм, не осмеливалось даже помыслить сделать приватизацию и огосударствление главной особенностью общества. Поскольку в цивилизованном обществе все социальные сферы приведены к государственности, экономика, как основная ткань общества, несомненно, превратилась в основной предмет и частной, и государственной собственности. Но ни одно общество так официально и открыто, как капитализм, не объявляло частную и государственную собственность системой.

Крайне важным я считаю следующее обстоятельство: приватизация и огосударствление экономики прежде воспринималось как аннексия и воровство. Карл Маркс более «научно» называет это воровством прибавочной стоимости в связке труд — стоимость (как прибыль). Этот вопрос требует еще более глубокого рассмотрения. На мой взгляд, попытки перевода в частную или государственную собственность можно оценить как аннексию и незаконное присвоение прибавочной стоимости, за исключением ранее существовавших излишков продукта. Все формы перевода экономики, являющейся основной тканью общественного организма, в любые виды собственности, включая частную и государственную, по сути, безнравственны. Это и есть аннексия и воровство. Равно как попытки присвоения или передачи в собственность государства сердца или любого другого органа человека бессмысленны или очень опасны, в случае с экономикой наблюдается аналогичное явление. Надеюсь рассмотреть эту тему подробнее в части, касающейся капитализма.

Мы видим, как коммодификация становится в цивилизованном обществе очень важным явлением. Следовательно, между превращением всего и вся в товар массового потребления и цивилизованным обществом (с частной формой собственности, классовым, городским и государственным обществом) есть тесная связь. Товар и коммодификация являются главными категориями цивилизации. В таком случае, очень важно охарактеризовать товар как категорию. Проще говоря, о превращении в товары массового потребления всех продуктов труда, за исключением тех, которые используются для удовлетворения основных потребностей человека (за исключением объектов извлечения пользы, непосредственного удовлетворения каких-либо потребностей), а именно речь может идти о превращении продукта в товар массового потребления в целях обмена (торговля, коммерческая ценность). Обществу на протяжении длительного периода было чуждо понятие обменной стоимости. Оно даже не задумывалось об этом, считало ее постыдным. Ценный объект общество дарило ка кому-либо сообществу, или человеку, которого оно считало ценным. Подмена дарения «обменом» является изобретением или хитроумным шагом цивилизации. До наступления цивилизации, или за рамками цивилизации, общество считало и считает обмен постыдным явлением, и если есть возможность избежать такой формы отношений, то следует избегать его. Благодаря своему глубокому историческому опыту, общество знает, что экономика, являющаяся основной тканью его организма, может выйти за рамки, и если укоренится явление корыстного обмена, то с обществом может случиться что угодно. Тем самым оно ревностно охраняет себя от этого явления.

Превращение товара в обменную ценность, торговля и торговец стали значимыми категориями цивилизации. Вкратце сообщу, что мое толкование товара отличается от толкования Карла Маркса. То есть я считаю, что соизмерение обменной ценности товара с трудом рабочего может стать источником такого понятия, которое может породить очень серьезную опасность. Если иметь в виду со - временный процесс распада общества, в котором не осталось ни единой ценности, не превращенной в товар массового потребления, то можно будет лучше понять, что я имею в виду. Осознать разумом превращение общества в товар массового потребления значит пере - стать быть человеком. Это, по сути, гораздо хуже варварства. Если прибегнуть к сравнению, то можно сказать так: выставление на продажу животного, разрезанного на части в скотобойне, фактически навязывается как образ жизни всего человеческого общества. В основе социального зла лежит процент, в фундаменте проценте заложена торговля, базу которой составляет товар. Упадок экономики также тесно связан с торговлей. Экономика, переставшая быть главной тканью в организме общества, становится началом коренного разрыва с природой, потому что слияние материальных ценностей с ценностями человека становится предметом серьезного разлома. В какой-то степени закладывается фундамент дурной метафизики. Когда материальное лишается духовного начала, а духовное — материальной составляющей, это становится началом проблемы, кото - рая втаптывает в грязь историю человеческого мышления. Ложные дихотомии и дискуссии, касающиеся материальности и духовности, на протяжении всей истории цивилизации уничтожает экологию и свободную жизнь в целом. Мертвая материя, а также утверждения о духе, которые с точки зрения космического мировоззрения есть неизвестно что, чуть ли не завоевывают мышление человека и нещадно эксплуатируют его.

Я хочу выразить сомнения еще по одному поводу. Я сомневаюсь в том, что можно измерить общественные ценности (включая товар). Один лишь факт причисления товара, являющегося продуктом труда не просто живого человека, но и бесконечных и не поддающихся счету трудов, к заслугам одного человека, по сути, не просто ошибкой, но способствует аннексии и присвоению чужих ценностей. Причина ясна: как можно измерить оплату нескончаемого труда? Более того, как измерить ценность труда семьи, матери, родившей и воспитавшей трудящегося, ценность труда которой не поддается измерению? Как измерить права общества, реализовавшегося в таком объекте, как ценность? Можно вести дискуссию и дальше, но выходит, что обменная ценность, прибавочная стоимость, ценность труда, проценты, прибыль, рента и аналогичные понятия сродни воровству (официальному, осуществляемому силами государства). Может, имеет смысл поиск других мерил обмена или поиск новых форм существовавшего ранее дарения излишка продукта? В части, касающейся модернизма и свободной жизни, я хотел бы подробнее раскрыть эти обстоятельства.

Даже в греческой культуре торговля считалась презренной профессией. Греки знали о связи торговли с воровством. В римском обществе торговцы тоже не были в почете. Что касается товара, то он имел ограниченное влияние. В древности ревностно пытались ограничить уровень влияния товара в обществе. Я говорю о нравственности неолитического общества. Несмотря на то, что капитализм до своего становления в качестве господствующей системы уже завоевал определенные позиции в части общественных институтов, даже цивилизованные общества не дали бы возможности для его массового проникновения и

утверждения. Все происходило на маргинальном уровне. То, что в XVI веке капитализм утвердился в Голландии и Англии, связано с очень конкретными условиями. Может быть, для становления таких стран, как Голландия и Англия, капиталистическая система была нужна. Так и получилось. В течение четырех столетий весь мир оказался под властью этой системы. В отдельной главе мы рассмотрим этот период цивилизации как период модернизма.

Введение в историю цивилизации с помощью такой краткой характеристики необходимо для того, чтобы мы могли воспринять здоровый стиль исторических и социологических знаний. Мгновенное разрешение таких вопросов, которым даже самые дотошные историки и философы посвятили чуть ли не всю свою жизнь, требует чрезвычайных способностей. Я далек от этих амбиций, но, отдавая дань уважения идее свободы, утверждаю, что для каждого, кто надеется на серьезную награду от общества, первостепенным условием является наличие больших сил для толкования историко-социологических и научного осмысления.

Трагедия «реального социализма», идея которого просуществовала полтора столетия, десятки неудачных национально-освободительных движений, растворение социал-демократических теорий в ледяных расчетах мирового финансового капитала побуждают нас объединить наше умение раскрыть суть всей цивилизации и, в частности, капиталистической цивилизации, с социологией свободы для того, чтобы в грандиозной освободительной борьбе не обмануться самим и не обмануть никого.

Версия #1

Зверобой создал 25 декабря 2025 20:42:13

Зверобой обновил 25 декабря 2025 20:44:42